УРОКИ МАСТЕРСТВА

К 60-летию Михаила Алексева

У ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО прозаика Михаила Николаевича Алексева богатый опыт работы в советской литературе. Известна и большая общественная деятельность писателя — он депутат Верховного Совета РСФСР, главный редактор журнала «Москва», секретарь правления Союза писателей России. Молодые годы Алексева, выходяца из далекого саратовского села, совпали с трудным временем для страны — Великой Отечественной войной. Он прошел ее с честью и как командир, и как военный журналист. И вот ко многим орденам и медалям Михаила Алексева добавилась еще одна награда Родины: только что напечатан Указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

Среди друзей, товарищей, почитателей таланта Михаила Алексева не только сверстники, люди старшего поколения, но и много молодежи. А сколько при чествовании писателя будет незримо присутствовать земляков юбиляра с его родной Саратовщины!

Нам, поколению литераторов, идущих вслед поколению фронтовому, особенно дорог и почитаем опыт впереди идущих. И здесь хочется сказать вот о чем. Михаил Алексей — писатель. А слово это испокон веков на Руси означало бескорыстное служение своему времени, его нравственности, интересам простого народа. Поэтому невольно задумываешься о том, чему учит опыт писателя Михаила Алексева.

Первый и главный урок — это урок любви к Родине. Родину не выбирают, так же как и матерей, это давно известно. Но лучшие из лучших всей своей жизнью говорят: только тот сын своей родины, кто делит с ней все радости и горести. Ничего не скрывая и не скрашивая из биографии своего поколения и своего края — ни голода Поволжья тридцать третьего года, ни крестьянской безлошадной обездоленности, ни тыловой невыносимой по тяжести своей работы, Алексей вместе со своим селом Монастырским проходит пелегким путем от познания мира до ответственности за этот мир. И делом, и кровью доказывает причастность к нему. На долгие годы оторван он от

мирного труда. Как пахарь, оставивший плуг, он уходит защищать свою Родину. И как пахарь, возвращаясь к своему труду. Для Михаила Алексева это означало возвращение к теме своей родины, Среднего Поволжья.

Эта родина всегда присутствовала в первых работах писателя, в романе «Солдаты», в повестях «Дивизионка» и «Наследники». Последние как бы закрывали военную тему писателя. И детство, словно удившее на время в тайники памяти, вернулось. Вернулось оно в повести «Карюха», в повести в новеллах «Хлеб — имя существительное», в романах «Вишневый омут» и «Ивушка неплакучая». Конечно, воспоминания детства легли в книги, освещенные нелегко прожитыми годами. И это еще один урок писателя Алексева — урок памяти. По Пушкину, главной отличительной чертой культурного человека есть его уважение к прошлому, чувство памяти.

С какой же силой нужно было написать «Карюху», чтобы нынешний молодой человек, уже не говоря о городских, даже сельский, смог почувствовать, что такое была лошадь для крестьянина, что такое была ее потеря. «Перечисление членов семьи я мог бы начать с Карюхи, и это бы было только справедливо, — пишет автор. — Отныне все благополучие, равно как и неблагоприятное наше так или иначе связано с Карюхой...» А гибель тонкого жеребенка Майки Высокие образцы русской прозы вызывает в памяти эта повесть. Писали о ней много и заслуженно, жаль только, что пока не нашлось на нее хорошего режиссера. Ведь почти все произведение Алексева экранизированы и нашли себе благодарного зрителя. А вот «Карюха» пока не дошла до экрана.

Алексеев учит нас чувству красоты. Перечитайте «Хлеб — имя существительное», — какое получите ощущение единства человека с природой! Причем конкретной, родной писателю. Верный признак таланта писателя вообще состоит, наверное, в том, что, читая книги, хочется побывать у него на родине. Так, читая Астафьева, хочется побывать на Енисее, читая Распутина — в Приангарье, читая Белова — на Вологодчине, Алексеев же неявно

и ненавязчиво преподносит свою Саратовщину так, что невозможно не полюбить ее. Больше того, приехав сюда в первый раз, чувствуешь, что уже был здесь. Таково волшебство высокой прозы.

Вот бежит в лес мальчишка по имени Меркидон, и лес спасает его от болезни и голода, врачует его душу, лечит горечь потерь. И таково проникновение писателя в природу, таково его любовь, что он невольно делает взволнованное лирическое отступление, обращаясь к кому-то: «Ты сыт и потому бесконечно беден, а Меркидон ненасытен в своих мальчишеских открытиях, и потому он бесконечно богат». И запах хлеба! «Хлеб — имя существительное, все остальное — прилагательное», — вот уже пятнадцать лет говорим мы вместе с полюбившимся нам Кузьмой Никифоровичем Удальцовым.

А прекрасные поволжские ночи! «Не когда-нибудь, а именно ночью распускаются лепестки цветков... майскими ночами наше сердце замирает от соловьиных песен», — пишет прозаик. Или воспоминания о невозвратно ушедших купаниях коней, рыбной ловле; их не хочется перечислять, так как в перечислении всегда будет недоговоренность, лучше еще и еще обратиться к первоисточнику и вновь ощутить в нем уважение к земле-кормилице.

Алексеев учит чувству интернационализма. Страницы его книг, особенно военных, заполнены героями разных национальностей: русские, украинцы, грузины, армяне, казахи... Как не вспомнить сейчас известного — ведь в одной мимолетной роте под Сталинградом служили вместе Михаил Алексеев и Олесь Гончар. Как не назвать того факта, что прекрасная лиричная проза Иона Чобану пришла к русским читателям из Молдавии в переводе Алексева.

Писатель не только учит, он учится. Он наследник высоких традиций русской прозы. Одна из ее вечных традиций — уважение к женщине. Незабвенны образы алексеевской Журавушки, Фени Угрюмовой.

Не случайно образ Фени со страниц книги пришел на сцену. Во многих театрах идет «Ивушка неплакучая», многие ведущие актрисы театров говорят об образе Фени как

главном в своей репертуарной галерее ролей, ведь в нем все, о чем может мечтать артист: современность, высокий накал сердечности и доли женской, негибсаемость перед лицом испытаний. А рядом образы, казалось бы, менее заметные, образы матери и сестры рассказчика автобиографических повестей.

К большой заслуге в продолжении традиции русской прозы надо отнести и то, что Алексеевым возвращена к жизни такая форма прозы, как повесть в новеллах. Сейчас все чаще современники обращаются к такому жанру (астафьевский «Последний поклон», солоухинские «Владимирские проселки», крутилинские «Липяги», «Журавлиные корни» Юровских). Такая форма началась в XIX веке. «Повести Белкина» Пушкина, каждая вроде бы о разном, но цель их одна — написать портрет эпохи. «Записки охотника» Тургенева также разнотемны, объединены лишь главным героем. Рассказавшие только о двух уездах, они показали всю Россию того времени. Таковы «Фальшивый купон» Толстого, «Нравы Растреповой улицы» Успенского.

Начав «Дивизионкой», Алексеев продолжил прием общего повествования, состоящего из разных рассказов, в «Вишневом омуте» и «Хлебе — имени существительном». В коротком предисловии автор предупреждает: «...никакой повести в обычном ее смысле у меня не будет... не будет и главного персонажа, как полагалось бы в традиционной повести». Но, прочтя произведение, мы понимаем, что главный персонаж есть — это снова и снова родная земля и труженик на ней.

Уроки Алексева есть типические уроки его поколения, поколения, опаленного войной, отблески которой до сих пор освещают страницы прозы Залыгина, Проскурина, Тендрякова, уже названных писателей и многих других.

Алексеев — один из лучших представителей этого поколения. Ответственность за судьбу современности, озабоченность будущим страны, долг перед павшими, память о них — вот основные черты его творчества, включенные как звено в непрерывное движение русской советской литературы.

Владимир КРУПИН.

«Соб. Россия», 1978, 8 мая